

С движением юноши вперёд лицо человека за ним также стало видно. Оно было приятным и спокойным, можно сказать, красивым, но бледнело в сравнении с тем, кто шёл впереди.

Ли Юньлан с тревогой произнёс:

— Младший брат...

Лу Нинчу слегка улыбнулся:

— Старший брат, не беспокойся, просто выпьем.

Ранее он собирал духовные травы, чтобы заработать духовные камни, как для подготовки к путешествию на Хребет Смуты и Несчастий, так и для пополнения запасов Скорбных Небес. Но неожиданно наступил день рождения Лун Юаня, и единственным подарком, который он мог преподнести, были духовные камни. Лун Юань был важен, но и Скорбные Небеса тоже, поэтому ему нужно было найти другой способ пополнить запасы.

И Чжао Цзиньчжи стал тем, кто сам напросился стать источником богатства. В городе можно было устраивать поединки с условиями, и он уже успел выиграть у Чжао Цзиньчжи немало.

Чжао Цзиньчжи, этот маленький петушок, несколько раз сражался с ним и каждый раз терпел поражение, что только усиливало его недовольство. Но, не желая продолжать получать удары, он предложил соревноваться в другом виде, и на этот раз выбор пал на состязание в выпивке.

За Лу Нинчу и Ли Юньланом следовали и многие другие ученики Высшего Небесного Дворца. Они остановились у стола Чжао Цзиньчжи, чтобы стать зрителями.

Сорок кувшинов крепкого вина быстро подали.

Чжао Цзиньчжи приказал младшему ученику снять пробки и начать разливать вино, но тут Лу Нинчу хлопнул по пробке, открыв её, и, оскалив белые зубы, громко сказал:

— Старший брат Чжао, пожалуйста!

С этими словами он поднял кувшин и начал пить прямо из него!

— Отлично!

Кто-то тут же воскликнул в восхищении.

Чжао Цзиньчжи изменился в лице, не желая уступать в браваре, и тоже поднял кувшин.

Под аплодисменты и свист пустых кувшинов становилось всё больше.

Под воздействием вина лицо Лу Нинчу стало румяным, его белые зубы сверкали, а взгляд переливался. Его простая белая одежда, которая должна была выглядеть элегантно и небесно, теперь излучала ослепительную красоту.

Он стоял на скамье на одной ноге, допил вино из кувшина, выбросил пустой кувшин и, оперевшись на колено, подперев лицо рукой, смотрел на Чжао Цзиньчжи.

— Старший брат Чжао, ты сдаёшься?

Чжао Цзиньчжи, держа кувшин, лежал на столе, как мешок, явно уже сильно пьяный. Услышав вопрос Лу Нинчу, он долго смотрел на него, прежде чем, заплетающимся языком, произнёс:

— Я!.. Я ещё могу... пить!

Окружающие, видя состояние двоих, уже поняли, кто победил. Услышав, что Чжао Цзиньчжи упрямится и не признаёт поражения, они зашикали.

Лу Нинчу, однако, не разозлился, а лишь улыбнулся, глядя на Чжао Цзиньчжи:

— Старший брат Чжао, я уже выпил свои двадцать кувшинов. Если ты хочешь продолжить со мной соревноваться, тебе нужно поскорее допить оставшиеся семь.

Чжао Цзиньчжи попытался подняться и поднёс кувшин ко рту. Но, сделав всего один глоток, он внезапно почувствовал тошноту и выплюнул вино обратно в кувшин.

— Старший брат Чжао, — Лу Нинчу слегка прищурился, в глазах мелькнула шалость, — этот кувшин... — Ты тоже должен допить.

Не дожидаясь окончания фразы, Чжао Цзиньчжи закашлялся и слабо махнул рукой:

— Нет, не буду... Я сдаюсь...

Лу Нинчу усмехнулся и протянул руку:

— Давай.

Чжао Цзиньчжи достал кошелёк и положил его в руку Лу Нинчу, после чего его рука, словно без костей, упала на стол. Лу Нинчу забрал кошелёк, махнул рукой и ушёл, а окружающие последовали за ним, осыпая его похвалами и восхищением.

Шум и гам не утихали, все внимание было приковано к пьяному юноше.

Поэтому никто не заметил, как Чжао Цзиньчжи, лежа на столе, уставился на свои пальцы, поднёс их к носу и глубоко вдохнул.

Ли Юньлан, идя рядом с Лу Нинчу, с заботой спросил:

— Младший брат, ты в порядке?

Лу Нинчу весело ответил:

— Старший брат, я же тысячу чаш не свалят.

Ли Юньлан с лёгкой досадой, казалось, хотел что-то добавить, но тут Лу Нинчу вдруг нахмурился и огляделся. Слова, которые он собирался сказать, изменились:

— Младший брат, что случилось?

Лу Нинчу, будучи в центре внимания, обычно не обращал внимания на взгляды окружающих, но сейчас ему вдруг показалось, что среди множества глаз был один, который выделялся. Однако, осмотрев гостей в зале, он не нашёл источника, и странное ощущение исчезло.

Он лишь ответил:

— Ничего.

Ему надоело внимание, и он добавил:

— Просто после стольких выпитых кувшинов я чувствую усталость и хочу поскорее вернуться в комнату и отдохнуть.

Когда Лу Нинчу ушёл в свою комнату, зрители, наблюдавшие за зрелищем, снова занялись своими делами. Ученики Высшего Небесного Дворца также разбрелись, начав пить и есть.

В зале было много гостей, и свободные места оставались только в углах.

Вдруг кто-то, сидящий в укромном уголке, крикнул:

— Эй, слуга, почему на столе пыль? Быстро убери!

Слуга подбежал и увидел, что на столе действительно была небольшая кучка пыли, и быстро вытер её. Когда он закончил и уже собирался уйти, он вдруг остановился и с удивлением сказал:

— Почему на этом столе не хватает одной чашки?

Сидящий за этим столом культиватор тут же нахмурился:

— Что, ты думаешь, я украл твою чашку?

Слуга поспешно извинился:

— Как я смею! Я просто случайно обронил, господин, не обращайтесь внимания.

Он быстро ушёл под насмешками культиватора, но всё же не удержался и огляделся, пытаясь понять, не взял ли кто-то чашку с другого стола.

Зима всё же наступила, и после нескольких солнечных дней в Городе на Скале начал идти снег.

Остальные ученики сект постепенно собрались, и день открытия Духовного Царства Ткущихся Грёз приближался.

За это время, помимо Чжао Цзиньчжи, Лу Нинчу сражался и с другими культиваторами. Даже если он не был таким жёстким, как в прошлой жизни, его чрезмерный талант и внешность неизбежно вызывали зависть.

Однако для него, будь то золотой петушок или боевой петух, всё равно, главное — выиграть у них что-то ценное, и он был рад, что кто-то приходил, чтобы помочь ему пополнить запасы Скорбных Небес.

Снежинки медленно падали, покрывая город белым инеем.

Лу Нинчу закончил поединок с учеником секты Лошуй и вернулся в Терем Созерцания Снов. Время было полуденное, и Чжоу Циюнь пригласил его, поэтому он сел внизу, чтобы поесть и выпить с учениками Высшего Небесного Дворца.

В холодный снежный день, после боя, его руки стали ещё холоднее. Если бы он никогда не знал тепла, это было бы терпимо, но теперь его руки уже привыкли к уюту. После еды и питья руки всё ещё оставались ледяными, и он не выдержал, достал пурпурно-золотую грелку, подаренную Лун Юанем.

Резкое похолодание и использование способов согреться не было чем-то необычным. Например, Чжао Цзиньчжи, как только пошёл снег, надел толстую шубу с мехом, накидку и везде, где останавливался, ставил по бокам обогреватели, а руки держал в меховых рукавицах.

Лу Нинчу, согревающий руки, не был чем-то удивительным, но он уже доказал своими действиями, что его талант не пустой звук, а его внешность привлекала внимание каждого, кто его видел. Поэтому, как только он достал грелку, кто-то спросил:

— Младший брат Лу, эта грелка выглядит очень изящно. Откуда она у тебя?

Ли Юньлан также удивился, Лу Нинчу впервые отправился в путешествие, и в Скорбных Небесах он никогда не видел эту грелку.

Лу Нинчу ответил:

— Эту грелку мне недавно подарил один знакомый.

Однако никто не поверил, что происхождение грелки было таким простым.

Потому что, хотя улыбка Лу Нинчу была лёгкой и казалась небрежной, его глаза, обычно полные юношеского задора, вдруг стали мягкими, когда он упомянул грелку.

Окружающие почувствовали, что отношение Лу Нинчу было необычным, и стали немного нервничать.

— Младший брат Лу, а кто этот знакомый...?

Начал спрашивать один из них.

Не успел он закончить, как перед ним промелькнула белая тень — Лу Нинчу внезапно встал и быстро двинулся вперёд, развевая полы одежды, как бабочка, порхающая среди цветов.

Лу Нинчу остановился в укромном уголке, грелка уже была убрана, а вместо неё он достал меч Осенняя Радуга и, указывая им на стол, стоял напротив молодого человека с обычной внешностью.

— Уважаемый знакомый, — Лу Нинчу слегка наклонился, полуприкрыв глаза, — последние дни вы следили за мной. Хотите сразиться со мной?

С того дня, когда он почувствовал странный взгляд, прошло несколько дней, и он всё ещё ощущал его присутствие рядом. Однако этот взгляд был мимолётным, и каждый раз, когда он начинал его замечать, он тут же исчезал в толпе, не давая возможности найти источник.

Но только что, когда он упомянул происхождение грелки, он вдруг почувствовал жгучий взгляд и наконец нашёл его источник.

Молодой человек просто молча смотрел на Лу Нинчу, и тот снова постучал ножнами меча Осенняя Радуга по столу:

— Уважаемый знакомый...

Молодой человек вдруг встал и направился к выходу.

Окружающие, услышав слова Лу Нинчу, решили, что у этого молодого человека были недобрые намерения, и, не дожидаясь, пока Лу Нинчу что-то скажет, кто-то уже преградил ему путь.

— Уважаемый знакомый, может, сначала разберёмся с недоразумением с младшим братом Лу?

Молодой человек всё ещё молчал, стоя перед препятствием, но не делал никаких движений.

Лу Нинчу посмотрел на него некоторое время, слегка поднял бровь и сказал:

— Этот знакомый так тих, не похоже, что он ищет неприятностей. Должно быть, я ошибся. Старший брат Хэ, отпустите его.

Человек, преградивший путь, был Хэ Юй, который ранее, во время представления, вызвал всеобщее недовольство своим высокомерием. В прошлый раз он уже упоминал о своей возлюбленной, и его намерения в отношении Лу Нинчу были очевидны. Теперь, получив возможность проявить себя, он не хотел просто так отпустить.

<http://bllate.org/book/15302/1350255>